

чего Петрова. «По-уличному нас Пугачами или Пугачевыми зовут»²⁴. Так в преданиях разных заводов не только устойчиво сохраняется сюжето-мотив, но и выработались словесные формулы — стереотипы. Это показывает, как стойко сохранялась уральскими рабочими память о Пугачеве, они гордились, что среди них есть его потомки и охотно причисляли себя к ним.

Организованность, готовность к активной борьбе за свободу и социальную справедливость, осознание ее целей, подчеркнутое единство рабочих с пугачевцами, ярко выраженные в горнозаводских преданиях, дают основание рассматривать эти предания как специфически рабочие. Они отражают рабочую идеологию и психологию, отличную от крестьянской и казачьей. Рабочая специфика проявляется прежде всего в характере и оценке центральных образов, что определяет соответствующий подбор и трактовку сюжето-мотивов. Конечно, на записях, делаемых в наше время, определенно чувствуется воздействие современности, но несомненно, что основные отмеченные особенности — отношение к Пугачеву и оценка восстания как справедливого — были с самого начала присущи горнозаводским преданиям, создававшимся на основе воспоминаний. Сходство, можно сказать, известное единство преданий, хранимых на всех заводах горного Урала, говорит о прочно сложившейся в течение ряда поколений традиции.

В. А. МИХНЮКЕВИЧ
Челябинский университет

К вопросу о рабочем сказе

Процесс познания неровен и противоречив — только этим можно объяснить наличие в современной фольклористике некоторых концепций, которые можно квалифицировать как научные мифы. К их числу принадлежит довольно распространенная точка зрения о существовании в рабочем фольклоре особого жанра сказа. Само его существование превратилось почти в аксиому, поэтому даже в некоторых серьезных работах последних лет этот факт если и не утверждается категорически, то из контекста следует, что авторы молчаливо признают его.

Наступило время подвергнуть эту точку зрения основательной проверке. Представляется, что присутствие особого жанра сказа в системе жанров рабочего фольклора стоит под вопросом.

²⁴ Бараг Л. Г. Предания о пугачевском восстании в записях 1966—1971 гг. // Материалы и исслед. по фольклору Башкирии и Урала. Уфа, 1974. С. 135, № 2.

Пытались увидеть специфику рабочих сказов, например, в том, что они «тайные»¹. Но не предназначенными для ушей представителей враждебного класса могли быть как прозаические, так и стихотворные произведения самых разных жанров, например, песни. Теоретическая неразработанность вопроса привела к тому, что понятие «сказ» нередко употребляется как синонимичное легенде, преданию, устному рассказу и даже сказке. Иными словами, сказ получил значение вида народного творчества. Однако есть ли смысл дублировать понятие, когда уже принято соответствующее видовое определение — «устная проза»? Терминологическая путаница повлияла и на принципы расположения материала при публикациях: в сборниках В. П. Бирюкова, Е. М. Блиновой, И. С. Зайцева, А. В. Ионова и др. под общей рубрикой «сказы» соседствуют прозаические произведения разных фольклорных жанров.

Уверенность в существовании интенсивно развивающегося сказа привела к иллюзии о рождении на его основе «нового советского эпоса». Появился даже порочный метод искусственного «конструирования» сказов, который пропагандировали в свое время А. К. Мореева, Н. Д. Комовская, А. В. Гуревич².

«Эпосом советской эпохи» объявлялись, наряду с «новинами», «новыми плачами», и многочисленные стихотворные и ритмизованные «сказы». Это были авторские произведения, и созданы они были людьми, зачастую не лишенными таланта. Некоторые из их произведений имели отношение к фольклору — в использовании традиционных художественно-изобразительных средств и сюжетных схем, но все это в сочетании с новым содержанием (современная действительность) производило впечатление эстетического курьеза. Однако подобная архаичная экзотика получила теоретическое обоснование: сказ стал пониматься как произведение ритмической прозы. С таким пониманием жанра сказа приходится сталкиваться и в работах последних десятилетий³. Необходимо отметить и, прямо скажем, пагубную роль стимуляторов творчества сказителей, которую играли некоторые фольклористы. Это был пример некорректного вмешательства в фольклорные процессы. В 1930—40-х годах и в первой половине 1950-х годов иные фольклористы прямо ориентировали создателей и носителей фольклора на пресловутые «новины» и «сказы». Подсказывая темы и образы, пропагандируя плоды творчества своих подопечных, они вводили их, а также

¹ Бажов П. П. У старого рудника//Соч.: В 3 т. М., 1952. Т. 2. С. 304.

² Гуревич А. В. Как записывать и обрабатывать устные рассказы: (К вопросу о методике записи и обработки устных рассказов)//Изв. О-ва изучения Вост.-Сиб. края. Иркутск, 1936. Т. I (IV). С. 46—62; Мореева И. К. Как работать с народным сказом. М., 1939; Комовская Н. Д. Современные сказы//Сов. фольклор. 1941. № 7.

³ См., напр.: Ярневский И. З. Устный рассказ как жанр фольклора. Улан-Удэ, 1969. С. 5.

читателей фольклорных сборников в заблуждение относительно путей развития народного творчества.

В предвоенные годы сказами чаще стали называть прозаические произведения. При этом они рассматривались как фольклорные аналогии литературным сказам. Априорное признание существования такой аналогии приводило и приводит к тому, что к литературным сказам подходят с фольклорными мерками и, наоборот, к фольклорному произведению — с мерками литературными. В первом случае авторские сказы ставятся в один ряд с аксиоматически подразумеваемыми фольклорными сказами. Что касается жанровых особенностей последних, то они разбираются почти исключительно — на материале произведений писателей. В другом случае происходит механическое перенесение категорий литературы на устную повествовательную прозу. Ясно, что такая методика совершенно недопустима.

На практике отождествление литературного сказа и фольклорного материала ведет, по меньшей мере, к дезориентации читателя, а порой и исследователя. Известно, что в представлении первых критиков «Малахитовой шкатулки» сказы Бажова были фольклорными записями. Это было время, когда само существование рабочего фольклора стояло под сомнением, и такое толкование сказов Бажова было продиктовано задачей доказать, что рабочий фольклор — это реальное, сугубо специфическое явление. По этой же причине сказы Бажова появляются в фольклорных сборниках как равноценные подлинным записям устной прозы. Нередко и теперь в сборниках, в том числе и претендующих на научность, публикуются как вещи одного ряда литературные сказы и фольклорные материалы, выдаваемые за сказы.

Особо следует остановиться на принципах публикации текстов, которые подавались как образцы устного сказа. Под жанровой пометой устного сказа публикуются тексты произведений фольклорной прозы разных жанров. Более того, происхождение некоторых текстов, которые преподносятся как фольклорные сказы, очень сомнительно. Серьезный текстологический анализ обнаруживает, что такие тексты — плоды легкой или основательной обработки, которую претерпели фольклорные записи от руки публикатора или редактора. Естественно, что в результате появляются тексты, отличные по своим качествам от всех известных фольклорных жанров. В первую очередь это касается сборника Е. М. Блиновой «Тайные сказы рабочих Урала» (М., 1941), который в свое время стимулировал интерес к «устному рабочему сказу». Даже такой добросовестный собиратель, как В. П. Бирюков, допускал при публикациях в иных случаях композиционную перестройку своей фольклорной записи⁴.

⁴ Ср., напр., текст «Пугачев идет на Березовский» в книгах: *Бирюков В. П. Исторические сказы и песни: (Дооктябрьский период)*. Челябинск, 1949. Вып. 1. С. 27; *Бирюков В. П. Урал в его живом слове: (Дореволюционный фольклор)*. Свердловск, 1953. С. 255—256.

Между тем, именно на такие «аранжированные» тексты ссылаются обычно как на эталоны фольклорного сказа, тем более что они действительно не похожи ни на предание, ни на легенду, ни на какой-либо другой известный жанр устной прозы, хотя и могут состоять из элементов этих жанров. Таковы, например, в упомянутом выше сборнике Е. М. Блиновой многие тексты: «Обушники», «Пименова плотина», «Сказ об атамане «Белая борода», «Емелюшка» и др. В них явно ощущается литературная правка, но именно на «Емелюшку», доказывая фольклоризм стиля сказа Бажова «Ермаковы лебеди», ссылается Р. Р. Гельгардт как на образец фольклорного рабочего сказа⁵. Фольклорная подлинность «Емелюшки» не вызывает сомнения у И. З. Ярневского⁶. А. И. Лазарев пытается выявить особые жанровые признаки фольклорного сказа, анализируя сюжетно-композиционную структуру «Пиеновой плотины»⁷.

Такая вера в непогрешимость научных принципов публикации некоторых сборников вызвана недостаточным вниманием к текстологическому анализу произвольно скроенных текстов.

Наметилась и точка зрения на сказ как на некое промежуточное образование между устным рассказом и преданием. В фольклоре, безусловно, существуют переходные формы, однако такое определение сказа будет чисто умозрительным, потому что сторонники этой точки зрения привносят ее в материал⁸.

Есть и такое мнение: сказы в рабочем фольклоре когда-то существовали, но к настоящему времени разрушились⁹. Действительно, в русском фольклоре, особенно в последнее столетие, проходит активный процесс изменения жанровой системы. Однако мнение о когда-то существовавших, к нашему времени разрушившихся и не прижившихся сказах мы должны отнести к области предположений уже хотя бы потому, что нет достаточно достоверных записей.

С другой стороны, есть и суждения о том, что сказ — это жанр, творимый в современном фольклорном процессе¹⁰. Однако анализ опубликованного в советское время материала устной несказочной прозы, а также наши собственные наблюдения, сделанные во время экспедиций по Уралу в течение последних двух

⁵ Гельгардт Р. Р. Стиль сказов Бажова. Пермь, 1958. С. 80.

⁶ Ярневский И. З. Устный рассказ как жанр фольклора. С. 11—12.

⁷ Лазарев А. И. О жанровой природе устного сказа//Вопр. истории и теории лит. Челябинск, 1966. Вып. 11. С. 147.

⁸ См.: Гриднева Л. Н. Дореволюционные сказы рабочих Урала: Дис. ...канд. филол. наук. М., 1966. С. 52—53 и сл.; Кузьмичев И. К. Жанровая природа современного сказа//Русская народная поэзия: Фольклорист. зап. Горьк. ун-та. 1961. № 1. С. 34, 36; Тресков И. В. О жанровом своеобразии сказа//Прозаические жанры фольклора народов СССР: Тез. докл. на Всесоюз. науч. конф. Минск, 1974. С. 192—195.

⁹ Батин М. А. П. Бажов. Жизнь и творчество. М., 1963. С. 340.

¹⁰ Лазарев А. И. Старое и новое в фольклоре Южного Урала//Русский фольклор: Проблемы современного народного творчества. М.; Л., 1964. Т. 9. С. 274. См. об этом же: Гельгардт Р. Р. Стиль сказов Бажова. С. 44.

десятков лет, не дают уверенности говорить о существовании развивающегося сказа. Нового жанра, который бы характеризовался единством определенного содержания и складывающегося типа художественной формы и выполнял свою особую социально-эстетическую функцию, обнаружить никак не удается.

В большинстве случаев мыслится, что сказ как новый жанр должен обладать более высокой идейно-художественной организацией, нежели существовавшие до него другие жанры сказочной прозы. Сказ чаще определяется как произведение устной несказочной прозы с установкой на художественность. Во всех же известных жанрах сказочной прозы — предании, легенде, быличке — познавательльно-информационная функция преобладает над эстетической.

По нашему убеждению, те тексты, о которых часто говорится как о сказах (если они истинные, а не фальсифицированные), на самом деле являются произведениями других жанров сказочной прозы. Только записаны они не от заурядных информантов, а от талантливых рассказчиков.

Повествования интересных рассказчиков в жанрах сказочной прозы всегда обращают на себя внимание. Позволим себе привести один пример. В годы Великой Отечественной войны в г. Златоусте актуализировались предания и рассказы-воспоминания о немцах из города Золингена, которых русское правительство выписало в 20-х годах XIX века для организации в Златоусте оружейной фабрики. Иностранцы приглашались потому, что не было веры, будто оружейное дело могут самостоятельно наладить русские умельцы. История доказала, что Урал богат своими талантливыми мастерами. Несколько таких рассказов было записано И. С. Зайцевым. В них златоустовские немцы представлены недалекими, жадными, самодовольными и в конфликтах с ними, на бытовой преимущественно почве, русские люди одерживают победу. Эти предания не случайно всплывали в памяти в годы выпавших народу испытаний — они, конечно же, служили делу воспитания ненависти и презрения к немцам-фашистам.

Здесь уместно напомнить, что именно на основе подобных преданий П. П. Бажов, выполняя социальный заказ, написал в годы войны цикл сказов о немцах: «Железковы покрышки», «Тараканье мыло», «Хрустальный лак», «Алмазная спичка», «Веселухин ложок».

Вот одно из таких записанных И. С. Зайцевым преданий, рассказчик которого, несомненно, обладал незаурядным мастерством. Видимо, собиратель дал ему название «Угощение немчуре»:

«Как у нас в Златоусте жили два задушевных товарища. Звали одного Степан, другого Петро. Работали они на одном заводе и в одном цехе, вместе они ходили, вместе гуляли, и были они неразлучными друзьями.

Вот однажды летом, в праздник, накупили они вина и всякой закуски — отправились на Бутылскую гору. А эту гору потому зовут Бутылкой-горой, что златоустовцы с бутылками с вином ходят гулять на нее.

Выбрали наши товарищи хорошее, красивое местечко: внизу под горой, как большое зеркало, виднеется пруд, а за ним горы, горы и лес, и на много верст кругом все видно. И вот на таком прекрасном месте они расположились и начали угощаться. Выпили они, закусили и ведут между собой душевные товарищеские разговоры. А потом спели любимую песенку и стали забавляться на балалаечке. Сколько они так прогуляли бы, я не знаю, но тут-то случился такой случай, о котором я и хочу рассказать.

Прогуливались на горе два молодых немца, пригнанные*, принамаженные, с тросточками, как какие большие господа. Вот и говорит один немец другому:

— Знаешь, Шварц, русские любят угощать, пойдем-ка к тем парням, они угостят нас.

А Шварц, как и всякий немец, рад был до чужого угощения.

— Пойдем, — говорит, — погуляем с парнями.

И они подошли к гуляющим друзьям.

— Страствуют! Фи куляшь?

— Да, гуляем, — отвечают товарищи.

— А нам с фам кулять мощной? — насылаются немцы.

— Пожалуйста, милости просим, — отвечают друзья. — Присаживайтесь, присаживайтесь, будьте дорогими гостями.

— Степ, а Степ! — говорит Петро. — Давай сделаем так: Ганс будет твой гость, и ты его будешь угощать, а Шварц будет мой гость, я его буду угощать. Вина у нас хватит и закуска есть, только вот стаканчик один.

— Ну так что же, что один? Давай я угощу Ганса, а потом ты угощишь Шварца, — говорит Степан.

— Почему это ты вперед будешь угощать, а не я? — возразил Петро.

— Потому что я угощаю своего гостя и хочу его вперед угостить! — говорит Степан.

— А что, разве мой гость хуже твоего?

— Хуже — не хуже, а только я вперед угощать буду, — настаивает Степан.

Немцы сидят, тают от восторга и говорят между собой посвоему: вот, мол, какие русские, как они угощают своих гостей.

— Ты слышал, чтобы я кому в чем уступил?! — говорит Петро.

— Ну, не с тем связался! — кричит Степан. — Дай я вперед угощу!

* В смысле — щегольски одетые.

— Не быть того, чтобы ты вперед угощал! Мой гость не хуже твоего,— отвечает Петро.

— Я тебе сделаю такое — на век осрамлю тебя! — грозит Степан.

— Посмотрим, я в долгу не останусь!

— Дашь?

— Нет.

— Дашь?!

— Нет! Нет, не дам, нет!

Не вытерпел Степан, сжал кулачища, развернулся — и праз! — в морду петрову гостю. Шварц взвизгнул от боли.

— А-а-а, ты меня срамишь! Моего гостя бить! — взревел Петро, сжал кулаки и набросился на степанова гостя: сел на Ганса и начал его молотить по башке, по шее, по чему подвернется.

Визжат, как поросята под ножом, немцы, а ребята лупцуют их, а сами кричат:

— Пусти, Степан, моего гостя, осрамил ты меня!

— Врешь, не пушу! Ты пуще меня осрамил.

Набили они гостям шишек на голове, наставили фонарей под глазами, измяли их костюмы, порвали галстуки — кое-как немцы вырвались, и дай бог ноги! — кубарем они с горы-то.

А потом, когда пришли домой к своим, так старые немцы всполошились и расспрашивают: кто и как их избил? А от них и пошесть ничего нельзя.

— Мы,— говорит Шварц,— были в гостях у русских парней, да тут получилось недоразумение, все дело испортил Степан.

— Нет, Степан ничего не испортил! — кричит Ганс.— Он только хотел меня вперед угостить, а твой Петро, идиот, не дал ему стакана.

— Нет, врешь! Петро не идиот, Петро хороший человек! — кричит Шварц.

— Черт твой Петро, а не человек! — кричит Ганс.

— А твой Степан — дьявол, он меня как собаку бил! — орет Шварц.

И полезли немцы друг на друга. И так и эти два немца дошли до спора, и как только станут вспоминать про бутылское угощение, так и драка. Вот и угостили немцев златоустовские ребята!»¹¹.

Данное повествование в основе своей является преданием (местная приуроченность, имена конкретных людей и т. д.). Но оно демонстрирует тенденцию, которая в последнее время активно проявляется в особенностях бытования несказочной прозы: рассказы, по своему происхождению являющиеся преданиями,

¹¹ Записано И. С. Зайцевым в годы войны в г. Златоусте от Александра Дмитриевича Ходитонова, 29 лет, бывшего рабочего машиностроительного завода им. В. И. Ленина (Златоуст. филиал Гос. арх. Челябин. обл. Ф. 224 р. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 25—26).

нередко приобретают черты поэтики сказки или анекдота. «Угостение немчуре» — это типичный «анекдот из предания». В его тексте, при необходимости, можно выделить и типовые структурные элементы, характерные для анекдота.

Златоустовские парни оказываются умнее и находчивее немцев. Под предлогом мнимого соперничества — кто лучше угостит «своего» немца — они бьют настырных гостей и делают это так, что те не подозревают о подвохе и в конце концов даже дерутся друг с другом, споря о том, чей хозяин лучше. Не так ли били уральцы врага и на фронтах войны? Предание записано, без сомнения, из уст одаренного рассказчика. Чего стоит живой диалог двух парней, когда видишь даже жесты намеренно все злее спорящих хитрецов, которые неожиданно начинают избивать не друг друга, а непрошенных гостей (типично неожиданная кульминация). А как забавно коверкают русскую речь падкие на дармовщину немцы. Однако, повторим, в жанровом отношении это никакой не сказ, а предание с чертами анекдота. И какого-то иного жанра, кроме преданий, легенд, быличек (среди них бывают и переходные формы), в составе известного нам корпуса несказочной прозы рабочего фольклора (в опубликованных и архивных материалах, различных фольклорных коллекциях) нет.

Таким образом, все попытки найти и теоретически обосновать особый жанр сказа в рабочем фольклоре нельзя признать сколько-нибудь удовлетворительными. Иллюзии о существовании сказа поддерживались особой природой жанров устной несказочной прозы, которые могут быть зафиксированы как в чрезвычайно сухой и лапидарной форме, так и в пространном и художественном оформлении. В связи с этим необходимо самое пристальное изучение творчества мастеров устной несказочной прозы и с точки зрения состава их репертуара, и относительно сохранения и обновления ими фольклорных традиций, и со стороны языковой и стилевой специфики устных повествований. Это тем более важно, что многие образцы несказочной прозы начинают все более ощущаться и исполнителями, и слушателями как художественные произведения.